

*Надежда
Беркова*

«ГЛАВНОЕ В НАШЕЙ ПРОФЕССИИ – ЭТО ТЕРПЕНИЕ»

Звукорежиссер Андрей Влазнев

Обычный зритель, как правило, уходит с сеанса, как только на экране появляются титры. Любопытного зрителя может заинтересовать, кто работал над созданием ленты, кто был участником съемочной группы. И в этом длинном списке он обязательно найдет фамилию звукорежиссера, наиболее важного специалиста в производстве фильмов.

Зритель, который действительно любит кино и следит за кинопроцессом, наверняка, знает имя звукорежиссера киностудии «Казахфильм» Андрея Влазнева. Знает, поскольку встречал его имя в титрах нашумевшей новой казахской волны – «Женщина дня», «Игла», «Влюбленная рыбка», «Дикий Восток», «Голубиный звонарь», «Кардиограмма», «Последние каникулы», «Аксуат», «Киллер»... Значительный вклад внес зрелый мастер звукорежиссуры и в кино нового времени – «Молитва Лейлы», «Маленькие люди», «Жылама», «Шиза», «Степной экспресс / Путевой обходчик», «Кочевник», «Дневной дозор», «Кек», «Мой грешный ангел», «Коктейль для звезды», «Аншы бала», «Книга», «Виртуальная любовь», «Брат», «Ореховое дерево», «Оралман» и другие.

Если привести полностью списки фильмов, на которых работал А. Влазнев, они займут, наверно, несколько страниц. Так на республиканской киностудии при его участии с 1981 года создано более 60 полнометражных и 20 короткометражных художественных фильмов, около 20 документальных, а также ленты анимационные. К этому перечню можно присоединить сотню рекламных роликов, телевизионные сериалы и дубляж десятков фильмов в качестве монтажера видео и звукорежиссера.

Андрей Андреевич, профессионал высокого класса, постоянно в работе: в эти месяцы идет монтаж сразу двух новых фильмов.

Мы беседуем с Андреем Влазневым, звукорежиссером высшей категории, в одной из аудиторий Казахской национальной академии искусств им. Т. Жургенова, где он преподает уже более 8 лет.

Как сложилось, что Вы избрали профессию звукорежиссера? Какие жизненные обстоятельства способствовали Вашему выбору? Занятия музыкой, пример старшего...

Это произошло фактически случайно, как происходит большинство событий. И такой поворотной точкой в моей жизни стала находка гитары. Это была недоделанная электрогитара. В течение года я доводил ее до ума, как я себе это представлял: прочитал кучу литературы, которая в то время была не такая уж куча. Поспрашивал у друзей, посоветовался с отцом. В итоге, у меня появился первый опыт. Гитара, в конце концов, была сделана и сделана вручную, потому что в продаже тогда ничего не было. Так я занялся музыкой, а именно игрой на гитаре, если быть точнее – на бас-гитаре. Мы организовали в школе ансамбль, я даже пел несколько песен, поскольку больше добровольцев не нашлось. Так получилось, что с гитарой и связаны мои первые опыты в электронике: я паял какие-то детали, усилители, приставки к ней. В общем, это оказалось так интересно, что

к окончанию школы созрело серьезное решение поступать на специальность, связанную с электроникой и со звуком.

Кино, в общем-то, было ни при чем... Кино мы смотрели и смотрели, и от него ничего серьезного по звуку не ожидалось.

Потом я целый год готовился к поступлению. Хотя можно сказать – все десять лет школы, поскольку с учебой у дела меня обстояли неплохо. Правда, в первый год мы с другом не добрали по 0,5 балла, просто были неопытные.

Это Вы уже в Ленинградский институт киноинженеров – ЛИКИ поехали поступать?

Нет, подготовительные курсы я осваивал для более мощного института. Был такой ЛЭТИ – Ленинградский электротехнический институт, вариант Московского Баумановского училища. Суперсложно, очень престижно в определенных кругах, скажем так по-советски.

Когда я приехал поступать и краем глаза заметил ЛИКИ, у меня возникли сомнения. Куда все-таки идти? В институт киноинженеров или в электротехнический? Но так как я прошел подготовительные курсы ЛЭТИ, то и направился туда.

Но уже через неделю увидел высокий уровень знаний у студентов. И главное – куда они потом распределяются, где, кем потом работают. Мне стало от этого немного дурно. То есть их направляют на военное производство, а это КБ – конструкторские бюро, НИИ – научно-исследовательские институты, где все специалисты работают на военный комплекс. По сути, ты находишься в закрытом ящике. И тебя куда не выпускают. Невыездной, непропускной! Шпионы за тобой охотятся!

К тому же в этом вузе были совершенно чудовищные предметы: высшая математика все пять курсов (!), сопромат, физика ядра. В общем, институт для технических гениев. Поразмыслив, я себя к таким не причислил. Внимательно посмотрел, что такое ЛИКИ, и, наведавшись туда, решил попросить родителей, именно отца, не делать большой трагедии из того, что я поменяю институт. К моему искреннему удивлению, отец – военный, партийный человек – согласился. Это было для меня полной неожиданностью. Ведь все шло к тому, что ЛЭТИ – лучший выбор для сына военного...

Таким образом, я поступил в ЛИКИ только на второй год, потому что в первый раз мы чуть-чуть недобрали. Но будучи настойчивыми, годик поработав, мы с товарищем приехали снова и поступили без всяких проблем, с пятерками.

После окончания института в 1981 году вдвоем с молодой женой-однокурсницей мы приехали в Алма-Ату на киностудию «Казахфильм», где уже работали наши друзья, распределившиеся сюда ранее. В списке распределения выпускников моя фамилия стояла второй, и я мог выбрать, что угодно. И выбрал незнакомый город, романтику! Такие времена были: молодежь увлекали новые края, подальше от родителей, независимость...

Не буду лукавить, скажу откровенно, пока был Советский Союз, я об этом не сожалел никогда. Действительно, киностудия была очень молодой, интернациональной – с молодым и очень талантливым директором, что огромная редкость. Режиссеров талантливых найти можно, а директор талантливым попадается редко – человек на своем месте и не рвется никуда. Итак, молодой директор Сламбек Таукелов набирал молодых людей. Совершенно необычный человек, он хотел объединить единомышленников, которые помогут ему сдвинуть киностудию с мертвой точки.

После 90-года все изменилось. И не в лучшую сторону...

Расскажите, пожалуйста, Андрей Андреевич, с кем из крупных профессионалов звукорежиссуры Вам довелось работать?

Судьба свела меня с очень хорошими людьми и замечательными профессионалами. В числе первых назову Яна Потоцкого – известного звукорежиссера киностудии «Мосфильм». Он научил меня многому, чему здесь научить не могли. Эта была потрясающе полезная школа: фильм «Знай наших» заканчивал человек, имеющий богатый звукорежиссерский опыт.

В дальнейшем я работал еще с двумя мэтрами советского и российского кино. Два специалиста на «Мосфильме» за свою жизнь отработали самые лучшие фильмы Советского Союза по звуку, делали сведение, оформляли фильм творчески и технически. Богданов Степан Дмитриевич и Базанов Евгений Николаевич. Оба одногодки, им сейчас около 77 лет. Общение с ними, двумя «Б», было полезно во всех смыслах. Дорого было и просто личное общение, поскольку это были люди с необыкновенными судьбами. И только за

одну судьбу их можно уважать, не говоря уже о профессии. А на «Ленфильме» работал уникальный специалист Алиакпер Гасан-Заде, неимоверный движитель, человек-оркестр: все в этом мире знает, и лучшие фильмы на студии делал он. Есть много-много людей, в том числе и режиссеров, которым я просто говорю огромное спасибо, потому что очень люблю их и ценю. И не только я...

Что Вы можете сказать о секретах мастерства звукорежиссера?

Давно говорил и продолжаю говорить об этом... Звукорежиссер, в отличие от многих профессий в кино, – это неимоверное терпение в достижении того, чего ты хочешь. Поясню, это примерно то же самое – как вы относитесь к вязанию. Если вязание – это ваше, то теоретически вы можете быть звукорежиссером. В 8-9 классе я реально вязал! Меня научили, правда, вязать не кофточки, но многие другие вещи из лески – плетки, сумочки, что-то еще... Так вот терпение – это склад характера. И если тебя не раздражает, что над маленьким эпизодиком приходится работать часами и часами, но ты работаешь и добиваешься чего-то, и счастлив от того, что получилось. Получилось благодаря и терпению, и плану в голове. Поэтому занятие вязанием – не просто слова. Допустим, в самом простом фильме может быть до 100 звуковых дорожек и каждую из них нужно десятков, два десятка, три десятка минут в каждом эпизоде настраивать. По одному звуку, потом еще по одному туда привносится... И в итоге работа над эпизодом занимает довольно долгое время, если его делать на совесть, нужно неимоверное терпение, чтобы все получилось.

На съемках фильма «Шиза», реж. Г. Омарова. Капчагай, Казахстан. 2004.

Насколько режиссеры понимают суть деятельности звукорежиссера? Владеть ли какими-то навыками в понимании роли звука? Прислушиваются, дают какие-то подсказки?

Конечно, все зависит от личности режиссера. Но 75-80 процентов режиссеров в этом не разбирается вообще! У них есть какие-то капризы, какой-то один звук может быть – фишечка. А остальное все – не важно.

И все-таки есть ли удачные примеры Вашего сотрудничества с режиссерами? Понимания глубины профессионализма Вашего дела?

Приведу два всего примера. Первый – работа с Рашидом Нугмановым. С ним мы делали «Иглу». Он не просто разбирался, в том, какой звук, шум необходим, он всегда был рядом! Лично – при внесении каждого звука! И мы вместе с ним делали отбор. Режиссер участвовал настолько активно, что больше я такого в жизни не видел...

И я обратила внимание на то, какая особенная звуковая атмосфера, среда создана в этом фильме, и немаловажная составляющая в ней – звучащий телевизор...

Да, мы много разговаривали, обсуждали роль звука еще до съемок. Рашид высказал много пожеланий, например, чтобы буквально с каждым планом звук менялся, не с эпизодом, а планом! Другой план, другой ракурс – чуть-чуть ветер, и все потихоньку перетекает,

перетекает, перетекает. А эффекты с телевизором – это отдельная история. Считайте, что мы сделали второй фильм. Об «Игле» я могу сказать, что этим фильмом горжусь! В особенности, тем фактом – не видел больше такого, чтобы саунд-трек фильма был переведен на отдельную кассету, и фанаты шли по улице и слушали саунд-трек к фильму. То есть не песни Цоя, нет! А именно саунд-трек без всякого видео, прекрасно помня изображение, а там действительно живой звук, такой, что не нужно изображения, и так все помнишь! Воображение достаточно быстро дорисует... Только я не понимаю людей, которые придумали этот термин – саунд-трек (soundtrack)? Не понимаю, что это означает...

Это слово в переводе означает «звуковая дорожка»...

...но сегодня под этим словом имеют в виду и песню, которая в фильме иной раз вообще не звучит! Кто это придумал? Киноведы? Кинокритики? Например, в фильме «Дневной дозор» Тимура Бекмамбетова саунд-треком называют песню «Останусь пеплом на губах» и так далее. Но песня звучит только в рекламном ролике! Путаница, неверное понятие. Саунд-трек – звуковая дорожка – это звук фильма!

Так вот первый раз в жизни, после выхода фильма «Игла», я видел и пока последний раз, каким может быть популярным фильм и звук к нему! До сих пор в мире есть клуб фанатов фильма! В больших городах объединяются те, кто любил, в первую очередь, Виктора Цоя и, во вторую очередь, именно этот фильм! Жаль, что я не сообразил сразу: надо было купить кассету в Москве! Оставить на память. Так вот люди слушали вместо музыки саунд-трек, а там же далеко не музыка. Музыка, в общем, не так уж много. Цой, когда посмотрел фильм в первый раз, сказал: «А где моя музыка? ...Ее нету, она вся чем-то зашумлена, перелопачена, и только часть чего-то...» Действительно, все в «Игле» не так, как это обычно бывало: зазвучала песня – и нужно все отрубить...

И Цой не возмущился, не стал сопротивляться такому звуковому решению фильма и какой-то своей второй роли?

Нет, нет, он просто удивился. Ведь его фамилия как композитора стоит в титрах... В действительности, там есть и авторская музыка, и песни, но все перемешано...

Итак, первое впечатление – работа с Рашидом Нугмановым. А второе?

...А второе яркое впечатление – не могу об этом не упомянуть – человек тот меня просто поразил! В 90-е годы в Алма-Ате в посольстве Японии служил атташе по культуре. Неважно, чем еще он занимался, его дело политическое, но главное, что он как человек совершенно уникальный: в первую очередь, посмотрел все казахстанские фильмы за всю историю казахского кино! Все! Дал себе такое задание, потому что очень любил кино: книги не стал читать, на спектакли не ходил, а кино его очень интересовало. И вот он посмотрел все фильмы внимательно, хорошо их запомнил. Была премьера фильма «Абай», в Доме кино. Это был первый казахстанско-французский фильм, сделанный по звуку в системе Долби. Первый эксперимент в Казахстане, на котором мы работали с французами. И вот пока там, в холле, мы все выстроились в ожидании выхода в зал, меня вдруг подзывают и говорят: «С тобой хочет познакомиться атташе по культуре Японии». Откуда, кто такой, что такое? Подхожу: стоит среднего роста щупленький мужчина или парень (возраст японцев трудно определить) с нежнейшими руками, кисть в два раза меньше моей. Ее страшно пожать, настолько руки мягкие, белые... Впрочем, мы познакомились... И он мне начал рассказывать о моей работе в казахстанском кино. В первую очередь, он взял «Иглу» и разложил весь звук фильма по полочкам! Вот это ноу-хау, этого я не видел нигде в мировом кино. Там он похвалил практически все. Потом взялся за другие мои фильмы: вот тут ты молодец, поработал отлично, а вот тут – то ли лень одолела, и ты не особо старался, а вот тут опять интересные вещи происходят! Я был в шоке! Режиссеры тех фильмов, которые он называл, не подозревали о таких тонкостях: максимум, что я мог от них услышать: да, да, неплохо... А чтобы в подробностях расписать, что хорошо и почему отлично, я никогда ни от кого не слышал! Кроме как от Рашида Нугманова. Он вместе со мной работал: я приносил уникальный материал, потом мы вместе по полочкам раскладывали. А тут японец, человек из посольства. И то, что у него нежные руки, ничего не говорит, только видимость. Они – борцы и владеют бойцовскими приемами. И с таким умом, такой памятью! Меня шокировало, когда он стал один за другим прогонять безошибочно фильмы, отмечать плюсы и минусы. Я и сам помню все свои ошибки. Никогда в жизни не бывает идеально. Какую-то вещь делаешь, потом жалеешь, вот здесь не отшлифовал, тут не доработал, чтобы нормально шел звук.

Такой вот человек! Потом же он стал кинопродюсером, здесь, в Казахстане, на свои средства снял три фильма. Я вспомнил его имя – Сано Сан!

И я припоминаю его...

Сейчас уже он изменился, постарел, седой совсем...

Ваши приоритеты в основном распространяются на игровое кино. А на документальные фильмы Вас приглашают?

Да на документальные... Не так много, но делал. В последнее время я не хочу работать ни на одном документальном фильме! Не вижу у нас ничего приличного. Особенно последние три года гонят такую халтуру, это позорище! Хуже, чем снимают на телеканалах.

И все-таки... Расскажите, пожалуйста, об опыте прошлых лет...

Работал на фильме «Опыт креста», который купили порядка 50 стран. И на нем был не только звукорежиссером, но и монтировал этот фильм! У Володи Тюлькина дома, на табуреточке, на обыкновенных VHS магнитофончиках! Я придумал специальную технологию, и мы очень долго монтировали. В итоге все было так качественно сделано, что когда мы пришли в большую студию, чтоб собрать фильм по-настоящему, в другом качестве, весь процесс занял две смены вместо обычных двух недель. Полнометражный, сложнейший и по звуку, и по видео, документальный фильм! Вот я это понимаю – настоящий документальный фильм. Смотришь российский телевидение: такие документальные фильмы показывают – шляпу снимешь! У нас... не знаю, кто виноват? Обстановка на киностудии... что происходит?

А с Тюлькиным Вы еще работали?

Да, потом был фильм с собаками. У него было несколько фильмов из этого материала, а я принимал участие в «Патетической симфонии». Он дальше продолжал с этим материалом работать...

Мы собирались делать документальное кино, правда, не с Тюлькиным, а с Тарасом Поповым. Попов – это автор всех материалов «Опыта креста». Из такого количества можно было сделать серий тридцать, просто вырезать неинтересные места. Материал был сам по себе уникальнейший, никто такого не снимал. Тарас работал в детской колонии, был внутри системы. Человеку доверяли и заключенные, и начальство, привыкли к тому, что он с камерой. Он попытался снять второй фильм о тех же героях: что с ними случилось через три года, спустя пять лет... А потом оказалось, что ничего подобного ты уже не снимешь. Это как с актерами. Мне их жалко всех. Человек случайно попал к хорошему режиссеру, как типаж попал в тему. Взлетел... все тебя знают, вся страна тебя любит, все тебе кланяются... На самом деле ты никто, никому не нужен, все это было случайно... Потом они ходят по студии, ниже опуститься больно, а подняться невозможно, образования нет, ничего нет... Так и с режиссерами бывает: Тарантино снял «Криминальное чтиво», а дальше фильмы пошли не такие удачные...

Не произошло ли нечто подобное с Нугмановым? После «Иглы»...

С Нугмановым другое. Там сложнее все было. Он опирался на конкретного человека, на Цоя. Виктор был ему и друг, и кто-то вроде музы. Рашид знал, что с ним снимать. И когда Цой погиб за месяц до съемок следующего фильма, для Нугманова это стало шоком, кошмаром... Он года полтора вообще не мог ни о чем думать, ни о каком кино.

Следующая картина Нугманова была «Дикий Восток»...

В «Диком Востоке» и должен был играть Виктор Цой!

Какова нынешняя ситуация в звукорежиссерском цехе Казахстана? Уровень профессионализма? Взаимодействие, взаимопомощь, поддержка друг друга... Или это все из советского прошлого... Или и тогда было не все уж так хорошо на «Казахфильме»?

Вы все сказали в своем вопросе. Пока здесь были люди, которые приехали когда-то из Москвы, из Питера, режиссеры, операторы, работалось неплохо. Операторы представляли собой потрясающий коллектив. Звукорежиссеры такие же, как режиссеры: никто чужого труда не ценит. «Это все плохо, я бы так не сделал...» Хотя операторы, казалось бы, то же самое должны говорить. Нет, они все поздравляют друг друга, все счастливы, у них дружная гильдия, защищают друг друга, поддерживают финансово...

Это Вы сейчас о ситуации в России говорите?

Да, у нас ведь практически операторов не осталось. Молодые еще не доросли, буквально, один-два, а старые, к сожалению, поумирали. Нет таких, среднего возраста – 40–50 лет, кто бы снимал шикарные фильмы, а 60–70-летних практически никого не осталось.

Поэтому у нас на многих фильмах работают киргизские операторы. У них мастерство операторское повыше. И не сказать, что это одна династия, нет, не одна фамилия... но они как-то друг друга, то ли соревнуясь, то ли помогая, поддерживают. Хотя там тоже, наверно, бывают конфликты... У нас среднее поколение операторов будто выпало, что-то не получилось...

Может быть, ситуация 90-х расшатала.

Да, в 90-е денег было мало. А они как раз пришли. Может быть, есть два-три человека и то недействующие...

А из прошлого поколения звукорежиссеров? Вы ведь знали Алима Байгарина.

Да, конечно, Алим Каримович! Он легендарный звукорежиссер музыки, который перевернул здесь все! С приходом Алима, который сам играл, был джазменом, очень любил джаз, все стало по-другому. Он был звукорежиссером и на фильмах, но они не были такими яркими, как музыкальные работы. К сожалению, он сейчас не работает, а мог бы еще лет 20 ...дополнить свой образ.

Мне довелось немало писать о казахстанском кино о природе. Алим Каримович рассказывал, как он принимал участие в создании документальных и научно-популярных фильмов о животных.

У нас был один оператор и режиссер Слава Белялов, с которым Байгарин постоянно работал. У Белялова были фильмы в общем-то мирового уровня. Человек, который не жалел себя. В гнезде орла мог просидеть два месяца и потом только водички попросить капельку. Соответственно, у него и фильмы были честные и интересные. Они с Алимом работали в тесном тандеме ...

То есть нашли друг друга. Новый вопрос: Вы побывали с нашими студентами на каком-то интересном фестивале профессионалов в Санкт-Петербурге? Сравнивали наш уровень и уровень россиян? Что Вы можете об этом рассказать? О современном уровне звукорежиссуры...

Мы были на фестивале «Интонации» в том институте, в котором я когда-то учился. Только теперь это уже не прежний ЛИКИ, а Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения...

ПитерКИТ...

Там открыли факультеты творческих профессий, именно кинопрофессий. Раньше их не было, а теперь обучают и режиссеров, и операторов, и художников, и звукорежиссеров. Поддержал их «Ленфильм». Они организовали фестиваль звуковых решений фильмов студентами, будущими звукорежиссерами. Для режиссера это тоже может быть дебют, или это может быть фильм уже состоявшегося режиссера. Но главное условие состоит в том, что именно студент делает от начала до конца весь звук. Раньше такого не было. И я не знаю, есть ли этому аналог в Европе?

Это был третий фестиваль или четвертый. И на этот раз его сделали международным. Приехали мы, студенты из Белоруссии и Киргизии. Россия была представлена двумя городами: Москва – ВГИК и Санкт-Петербург. К сожалению, единственный киргизский фильм был не совсем похож на дебют. Слишком много людей над ним работало. Нечестно ставить остальных на одну ступеньку. Еще и заказной о человеке из высшего эшелона власти! Хороший фильм, но заказной.

Интересно было сравнить: по звуку и вообще по тому, какое кино снимают. Кто в чем варится. Мне очень понравились фильмы российские. Они все были на молодежные темы, такие, которые волнуют молодежь.

С нашей стороны все четыре фильма были сняты в «Дебюте» на студии «Казахфильм». И везде редколлегия притянула сценарии перегруженные, взрослые, не в тему студенческого возраста. Мне это не понравилось. А россиянам наоборот наши фильмы понравились. Их фильмы были легкие, но не пустышки. А у нас тяжелые: отец пьяница, девочка его спасает. Или отец с ума сошел, оттого что ребенок утонул, у него галлюцинации: он все еще представляет его живым, ездит на Капчагай...

Много было на этом фестивале мультипликации, совершенно потрясающей, не очень сложной, но зато интересной по идеям, такой, что должны делать студенты.

К сожалению, у нас с этим неважно. В фильмах наших студентов не хватает, я бы сказал, легкого дуновения молодости. Неважно, как они будут оформлены, но идеи, которые их занимают, слишком тяжеловесные. Либо идей вообще нет.

Если сравнивать профессионализм студентов-звукачей, то я бы сказал, что там лучше. Там коллектив побольше, и возможностей у них больше: в городе не одна киностудия, их довольно много. Студентов на этих маленьких студиях подключают к работе.

В самом институте мало производится, т.е. делается кино. У них база тоже, как и у нас, бедная, к сожалению. Но кинотеатр, в котором мы смотрели фильмы, – а это актовый зал ПитерКИТ, – оборудован системой Dolby Atmos. Как вам это объяснить? У нас вообще кинотеатра в Академии нет! Какие-то колонки принесут, на сцену поставят... Это непрофессиональный подход даже по отношению к любому сельскому кинотеатру! Оборудование Atmos на три ступени выше, это звук последнего поколения, который реально очень дорого стоит. Студенты и педагоги сами удивляются, но ректор установил в зале именно такую аппаратуру. Почему так? Зато можно смотреть и слушать кино!

Я бы сказал, что наши студенты не хуже питерских. Просто им больше и больше надо работать, начиная с первого курса, заставляя их учиться. Для этого поменьше каких-то дисциплин... нет, все-таки всего поменьше не нужно, ...побольше дисциплин таких, которые реально нужны. На первом курсе, как во ВГИКе всегда делалось и делается, смотреть кино. Причем насильно, под замком, пока не посмотрят и что-то не напишут. Чтоб у них голова повернулась. Если они хотят работать в кино, у них должно что-то щелкнуть в голове, и они должны кино полюбить! От сериалов кино полюбить невозможно! Они должны пересмотреть всю классику! Пусть даже спят, но чтоб они спали именно на этом уроке, а фильм шел. Что-то в мозгу да отложится. Я был шокирован, когда нынешнему четвертому курсу, в прошлом году в начале, показал самой простой фильм Феллини «Ночи Кабирии». Они чуть не рыдали все, что такие фильмы были, что их снимали...

«На то время!», – говорят, не совсем по-русски, мои студенты после просмотра. На занятиях по истории кино показываю немой полнометражный (очень длинный!) фильм Фрица Ланга 1926 года – «Метрополис», в котором уже просматривается все будущее кино Голливуда: «Пятый элемент», «Матрица», «Назад в будущее» и т.д., и т.п. На лицах студентов обескураживающее меня изумление: «На то время такое кино снимали!?». В их предстании все появилось только вчера, и кино современное – настоящее кино! Другого нет!

Андрей Андреевич, Вы преподаете в Академии им. Т. Жургенова, если я не ошибаюсь, 8 лет. Что Вы можете сказать о системе преподавания, обучения мастерству звукорежиссуры? Какие абитуриенты приходят учиться? Что в первую очередь требуется от абитуриента?

Нашим студентам первые два курса нужно вспоминать школу. Иначе с ними разговаривать не о чем! То, что сегодня нам предоставляет средняя школа, это кошмар! Школа подводит чудовищно! В этом году первый курс пришел, вроде бы неплохие. Кое-что читали... Но нужно повторять все, чему их учили последние три года школы. Они забыли, чему их учили!

Если б я не занимался музыкой, если б не был в институте звукорежиссером всех мероприятий! Если б этого не делал, то не вошел бы в специальность, а так с первого дня вошел в съемочный процесс

Приехал выпускник то ли из Павлодара, то ли из Петропавловска. Он учился в Президентской школе, не имени Назарбаева, а именно Президентской школе! ...не знаю много ли их по стране. Там особая система обучения, ученик может отменить себе три предмета. Он отменил химию, биологию, какой третий предмет, не помню. Что может знать человек без химии и биологии. Ничего он не знает!

Ввели в вузах Болонскую систему. Ее надо отменить, искоренять. Она нелепая в наших условиях. Все это знают, но в этой системе все вязнут и вязнут. За 25 лет из нормальных, очень образованных учеников сделали что-то ужасное...

Первый курс обучения нужно компенсировать тройной нагрузкой. Если останется пятилетний бакалавриат, это чудовищно. Три года студент должен учиться в бакалавриате, два года – в магистратуре. И достаточно!

База техническая, материальная у нас очень слабая. Поехали наши студенты учиться по обмену в Финляндию. В каждом кабинете (у нас один компьютер стоит и тот сдыхает!) стоят по два макинтоша последней модели. Каждое рабочее место оснащено. Финляндия довольно благополучная страна. А у нас?! Как можно учиться без специального оборудования?! Я не могу студентам дать полноценное задание! Все занято! Сократили количество часов, практических занятий, семинарских!

Да, еще расскажу, как сложилось сотрудничество с финским вузом, куда поехали наши студенты. Сначала к нам приехал учиться финн. Позанимался серьёзно, в отличие от моих студентов: все снял на видео, заснял скриншоты. Поразительно, человек приехал учиться в 58 с лишним лет! Как взрослый человек, основательно! Все, что считал нужным, взял и меня, и у Алиби Мамбетова. Потом у меня был перерыв, студия не работала, и он воспользовался случаем, съездил в Киргизию на две недели, в Чимкент, Туркестан. Напоследок перед окончанием курса слетал на десять дней в Грузию. Человек уехал со знаниями, все, что хотел получил и от процесса обучения, и от путешествий. Он же инициатор моей будущей поездки в Финляндию, зовет преподавать по обмену в апреле...

... на английском?

Конечно. Здесь я ему все на английском языке объяснял! Когда я поступал сюда на работу, у меня было два больших предложения: первое – не обучать в бакалавриате пять лет! Трех достаточно с теоретическими основами! И английский преподавать на всех курсах! Без русского можно обойтись. Без английского невозможно! Достаточно ввести английский с пятого класса школы...

И под занавес нашей беседы. Хочу задать вопросы о любимой литературе, музыке, без которых невозможно представить нашу жизнь. Мы ведь с Вами люди одного поколения, выросли на одних примерах. Российский оператор Георгий Рерберг сказал: «Если чувства не воспитаны – толку не будет». Какие книги самые любимые? Те, что тянет перечитывать и не раз... Какую пищу уму дают эти книги?

Что читал? Классику. А любимая музыка – та, что мы любили в дни своей молодости. Да любой жанр возьмите: либо это цепляет, поскольку очень хорошее исполнение, либо раздражает, когда это неинтересно, тупо, неумно... Книги, к сожалению, сейчас читать не часто приходится. Слишком много работа занимает времени.

А поэзия?

Поэзия... только когда сам читаю. Не терплю, когда пьяный человек читает стихи очень громко.

...поэзия – это очень личное. А кого Вы любите из поэтов?

Больше нравятся непростые вещи. Посложнее... Из литературы... Достоевский – непревзойденный писатель. Я прочитал всего Достоевского, включая письма. Это писатель номер один. Того же Толстого как минимум на другую ступеньку ставлю. Совсем другой стиль. Все другое...

А Чехов?

Антон Чехов еще недооценен. Для меня Чехов – это прежде всего театр. Рассказы не так воодушевляют. Достоевский очень подробно все делает, каждое слово нерв задевает. Я помню еще молодым, но уже не студентом, прочитал «Бедные люди». Таких слов при всем их знании и хотении, какие написал Достоевский, я не могу произнести, они уже не в этом мире, они остались только у него – такие нежные, такие классные русские слова... И они уже неупотребимы. В наш век все стало грубее, не скажу – циничнее, скорее – всегда ироничнее. Ироничный подход к серьезным вещам стал коньком нашего поколения – и в музыке, и в театре, и в кино. Серьезные вещи даются всегда легко и весело, даже душещипательные, а смешные можно и до маразма довести, а если это вкусно сделано, то это в стиле и прекрасно действует...

XIX век был просто невероятным – за такой короткий срок произошел расцвет русского языка! Сначала его придумали предшественники, потом Пушкин оформил. И за короткий срок русский язык вырос для меня в язык номер один! Номер один в мире! Английский самый доступный, намного проще, на нем легко научиться говорить.

А началось с того, что отец пожалел меня, когда увидел меня с «Преступлением и наказанием». Сказал, что пытался прочесть 5 или 6 раз во разном возрасте и не смог. Я решительно взялся, – до этого просто глазами пробежал, – начал читать и уже оторваться не смог. Дай Бог всем...

